

Самая большая трудность для того, кто пишет о Церетели, — не удивляться, не восторгаться, как выразился редактор, "не лизоблюдствовать". Это задача. Потому что он очень много успел за свои годы. На днях ему исполнится 73. Это не 37. Но с утра до поздней ночи на ногах, в машине, мастерской, на литейном заводе, заседаниях, презентациях, юбилеях, за дружеским столом. При всем при том за один последний квартал 2006 года установил монументов больше, чем другие за долгую жизнь.

**Зураба башни в небе стоят,
Журавль в них вырастит журавлят.**

Андрей Вознесенский

В сентябре в Нью-Йорке состоялось открытие "Слезы" в память погибших при атаке на небоскребы 11 сентября 2001 года.

В октябре в Санкт-Петербурге на Васильевском острове спало покрывало со статуей Петра Первого.

В ноябре на главной площади Тбилиси на месте памятника Ленину поднят обелиск с конной статуей Георгия Победоносца.

В декабре в Бретани французы приняли Иоанна Павла II и назвали городскую площадь именем автора.

В январе скорее всего будет за океаном, где представил на конкурс композицию в память о холокосте. Думаю, победит.

Объяснить все происходящее дружбой с первыми лицами Москвы, как пишут, никак нельзя. Многое происходит вдали от России, в разных странах, где, казалось бы, не на кого опереться. Многое объясняется тем, что Церетели постоянно рисует. Это способ его существования. Альбом всегда под рукой, в пути, полете, офисе, кабинете академии, ресторане, на пресс-конференциях. Каждый день плотные листы альбома заполняются причудливыми образами. Холсты в мастерской за час-другой превращаются в натюрморты, цветы, портреты друзей и знакомых. Порой никому не известных лиц, порой знаменитых.

Рисунки — первый шаг на пути к малой пластике, горельефу, статуе, обелиску. Эмальям, витражам, мозаикам. Они заполняют залы галерей на Пречистенке, по площади, равной Манежу, мастерскую на Пресне. А также площади и улицы городов, зарубежных, российских и грузинских.

Сплетенные в узел титановые кольца "Дружбы" на Военно-Грузинской дороге взорвал враг России. Церетели удалось спасти от вандализма крест, нашедший прибежище в саду на Пресне.

В Москве сплетенные буквы, русские и грузинские, с венком сохранились с тех пор, как отмечалось двухсотлетие Георгиевского трактата.

Как бы ни остроили по поводу монумента творцы московского городского фольклора, на Тишинской площади недавно известный архитектор подобный венок водрузил на крыше нового высокого дома.

В дни, когда самолеты не летают между Москвой и Тбилиси, Церетели рассказывает журналистам притчу:

"Жили-были супруги, муж и жена, любили друг друга, сделали крепкий очаг, много лет прожили и не стали понимать друг друга. Потом разбрелись между собой, и снова у них начался бурный роман".

У Зураба роман с Москвой и ее красавицами начался сорок лет назад. О подругах молодости в отличие от многих раскрепощенных творцов никому не рассказывает. Он им в нужде помогает. О России говорил не раз, как о любимой женщине.

"Образ России — широкая душа мужчин, длинноножки женщины и богатство по искусству".

Сальвадор Дали назвал Зураба русским художником. Пикассо — грузинским художником. Образы Грузии заполняют залы и альбомы. В них тысячи лиц земляков.

БАШНИ ЗУРАБА

Парад
в честь
Петра
в Питере.

СЕРГЕЙ ШАГУЛЯШВИЛИ

— Он очень любит свой народ, — сказала, пройдя по залам галерей, искусствовед, приехавшая в Москву из Иерусалима.

— Я сильный человек, но, когда слушаю грузинскую музыку, на глаза наворачиваются слезы. Мне очень помогает в напряженной жизни "Витязь в тигровой шкуре".

— Читаете юбилейное сталинское издание на русском языке?

— Нет, на грузинском.

У него, проявившего себя в деле с главным архитектором Москвы, в молодости появилась мастерская на Тверском бульваре. Вид из ее окна он не раз писал, принимал здесь Евгения Великова, Андрея Вознесенского, Владимира Высоцкого, актеров Таганки и "Современника", друзей, знакомых и незнакомых. Двери были открыты для всех.

В эти дни Андрей Вознесенский сочинил поэму со словами, послужившими эпиграфом очерка. Он давно в пору совместной работы на Тишинской площади написал:

..Зураб Церетели в комбинезоне
как меч целовал
этую медь бирюзовую.

Эта медь сегодня увековечила миг казни Николая II и его семьи у расстрельной стены, еще никем не виденной. Она в фигуре Шостаковича, доставленной с литейного завода Петербурга в Москву.

После сорока с лишним лет жизни на Твер-

ПЕРСОНА

Нью-Йорк
взят!

ском бульваре и Большой Грузинской, вручение в Кремле Золотой Звезды и медалей, грамоты народного художника России, ордена "За заслуги перед Отечеством" неожиданно для себя узнал из газет, что получил российское гражданство.

— Живя так долго в России, кем себя больше чувствуете, грузином или русским?

— Посмотри на мои буквы на Тишинской площади. Там все сказано.

У меня на этот счет никогда не было комплексов. И вообще я мужчина!

У высокого искусства нет национальности!

Церетели, как прежде, выполняет проекты и для России, и для Грузии. Изваял бюсты всех русских князей из династии Рюриковичей, статуи Петра и российских императоров. Они в Москве, у дома на Пресне. Изваял всех грузинских царей, они на высокой горе у моря в Тбилиси. Там заканчивает в бронзе храм-памятник "История Грузии". Для него отлил в Санкт-Петербурге последние горельефы. Но не может из-за возникших транзитных проблем перебросить к месту назначения.

Мотив, исполненный четверть века назад на площади у Большой Грузинской улицы, где слободой осели спасшиеся от геноцида грузины во главе с царем, постоянно звучит в мастерской, ставшей фактически и юридически музеем. Она пополняется картинами практически каждый день. Во дворе размещаются изваяния, доставляемые с завода, где отливают статуи и композиции, порой вполне реалистические, порой вполне авангардные, в зависимости от образов, распирающих голову.

Два досужих пера, состязаясь в остроумии, измышиля недавно, что сделал бы Микеланджело и что Церетели с попавшим в их руки камнем в одних и тех же обстоятельствах. Естественно, позлословили.

Я спросил у Церетели по пути в Рязань на открытие персональной выставки, куда он ехал два с половиной часа, не выпуская руля.

— Вы когда-нибудь работали с камнем?

— Да. В Пицунде делал скульптуру.

— Какую именно?

— Не помню, парковую скульптуру. Забыл какую. Там много чего делал.

Когда ехал по Боровскому шоссе в Обнинск, на открытие другой выставки, увидел за окном машины мозаики на автобусных остановках и вспомнил:

— Мои мозаики, делал давно. Забыл про них.

Вспомнил, когда попал в винные подвалы Молдавии, что и там мозаики — его. Так с годами поэты забывают строчки давно написанных стихов.

— Не устали от такого напряжения?

— Когда говорят: "Я устал", — мне смешно.

Когда говорят: "Настроения работать нет", — не понимаю.

Я широко шагаю по миру и искусству, поэтому мне завидуют.

На недавнем вернисаже в Обнинске местный художник сострил в рифму: "Был век Растрелли, теперь век Церетели".

Его путь в искусстве не осыпан лепестками роз. Мода нападать на него до конца не прошла, хотя все больше людей понимают, что Петр на стрелке — это тот же случай, что Эйфелева башня в Париже. Там былое возмущение Мопассана, Гуно, Гарнье обернулось всеобщим признанием. У нас Булат Окуджава, Акунин, Жванецкий высказывались, как они. Но автобусы с иностранными туристами едут на стрелку к башне Зураба.

Конечно, быть равнодушным трудно, когда в дни грузинской кампании и на него накинулась чиновничья рать, обвиняя в "нечеловеческом расходовании средств". Все они до последней копейки пошли на нужды Российской академии художеств, которую лет десять он подпирает плечами. Не радуется, когда в Думе призывают разобраться, каким образом делает "дарение дорогостоящих скульптур городам России и зарубежных стран", такие, как памятники на Куликовом поле, во Пскове, Борисоглебске... Я видел на бланке Генеральной прокуратуры ответ Комитету по культуре Государственной думы, где сказано, что обращение депутатов рассмотрено, но по отношению к Церетели "оснований для реагирования не имеется".

Не знаю, что сказал бы Микеланджело, увидев Петра и Колумба. Но бывший террорист Сикейрос, чуть было не убивший в Мексике вождя русской революции, он же известный монументалист XX века, увидев объемные мозаики молодого Зураба, поразился. Уезжая из СССР, оставил такую запись:

"От своего имени и от имени монументалистов Мексики я поздравляю Зураба Церетели за художественные достижения выполненных им работ".

Монументалисты Мексики — это он, Альфаро Сикейрос, Диего Ривера, превратившие росписями утилитарные здания в достопримечательности. Они удивили мир фресками, которые сопоставляли с росписями эпохи Возрождения. Сикейрос сравнил мозаики Зураба с теми, что делал его друг Диего, но отметил, что у Церетели они добре. Тогда дал ему "путевку в жизнь":

"Я утверждаю, что он вошел в необычайные просторы искусства будущего, сочетающего скульптуру с живописью. Творчество Церетели вышло из национальных рамок, приобретает международное значение".

Сикейрос работал в Чили, США, Аргентине, на Кубе.

Чили заказало Церетели монумент Неру. В США у него пять монументов, включая помянутую "Слезу". В Аргентине — бюсты Льва Толстого и Юрия Гагарина. В Бразилии — мозаика, выполненная по просьбе Нимейера.

Сикейрос расписывал клуб профсоюзов, Дворец изящных искусств, министерство, университетский городок. Церетели — стену Дворца культуры профсоюзов. В Генеральном штабе его картины из эмали. В Фундаментальной библиотеке — портреты основателей Московского университета. Перед входом — Иван Шувалов, памятник, который забыли открыть.

Что разделяет Альфаро и Зураба, так это **"актуальное политическое звучание"**, за которое так любили мексиканских монументалистов советские искусствоведы. Дизайн нашего художника — искусство для искусства. Никакой политики в "Старом Тифлисе", "Цветах" и "Подсолнухах", растущих на Пресне. Какая политика в образах Ветхого и Нового Завета? Бабушка не зря повесила малышу крест, который с тех пор Зураб не снимает. При ближайшем рассмотрении оказывается, начиная с Адама и Евы Церетели нарисовал и изваял основные сюжеты Библии, Христа, всех апостолов, христианских святых, всех Пророков.

Что разделяет Альфаро и Зураба, так это **"актуальное политическое звучание"**, за которое так любили мексиканских монументалистов советские искусствоведы. Дизайн нашего художника — искусство для искусства. Никакой политики в "Старом Тифлисе", "Цветах" и "Подсолнухах", растущих на Пресне. Какая политика в образах Ветхого и Нового Завета? Бабушка не зря повесила малышу крест, который с тех пор Зураб не снимает. При ближайшем рассмотрении оказывается, начиная с Адама и Евы Церетели нарисовал и изваял основные сюжеты Библии, Христа, всех апостолов, христианских святых, всех Пророков.

— Хотите проиллюстрировать Библию, как Доре?

— Нет. Горельефы большие отлил. В объеме сделаю. Первое "Крещение" выставил в модели. Хочу 64 такие большие композиции, начиная с Рождества, чтобы дети видели все, что написано в Библии.

У портрета
Шостаковича.

дели все, что написано в Библии.

Каждый месяц седьмого числа полдня проводят в галерее с детьми, дают им мастер-класс. Этот класс посетил в минувшем году Владимир Путин. Ему он показал макет "Детского парка".

— Дети учатся у меня, я учусь у них.

Другой художник с именем, прославившийся чудесами и сюрреализмом, чуть было не поработал в одних стенах с Церетели. Была идея в эпоху разрядки двум художникам поручить расписать стены резиденции Организации Объединенных Наций, в знак содружества Запада и Востока. В том тандеме Зураб олицетворял Восток, страны социализма во главе с Советским Союзом. Танки, вошедшие Афганистан, сорвали замысел. Но письмо Сальвадора Дали на имя генерального секретаря ООН осталось:

"Благодарю Вас за предложение сделать росписи ООН вместе с русским художником Зурабом Церетели. Это счастливое знакомство с грандиозным мастером, в котором соединяется талант художника и организатора. Это придает двойную энергию всем его произведениям и начинаниям".

Дурачил мир Сальвадор Дали как никто другой, но в людях и талантах разбирался с первого знакомства. Он так назвал Церетели до того, как в Москве появились обелиск Петра и Петр. Разглядел за время нескольких встреч в кафе "талант организатора" до того, как появился Московский музей современного искусства, филиал музея в Ермоловском переулке, галерея на Пречистенке с "Яблоком", которым угожают иностранцев после посещения Третьяковской галереи. Подобное "Яблоко" с Адамом и Евой докатилось из Санкт-Петербурга, где его отливали, до проспекта Руставели. Там, в бывшем здании кадетского корпуса, открывается галерея, подобная московской.

...Полдня просидел Церетели за рулем на федеральной дороге. Вечером вернулся из Рязани во двор мастерской, довольный прожитым днем, и обрадовался:

— Завтра буду работать! Хочу рисовать! **Лев КОЛОДНЫЙ.**